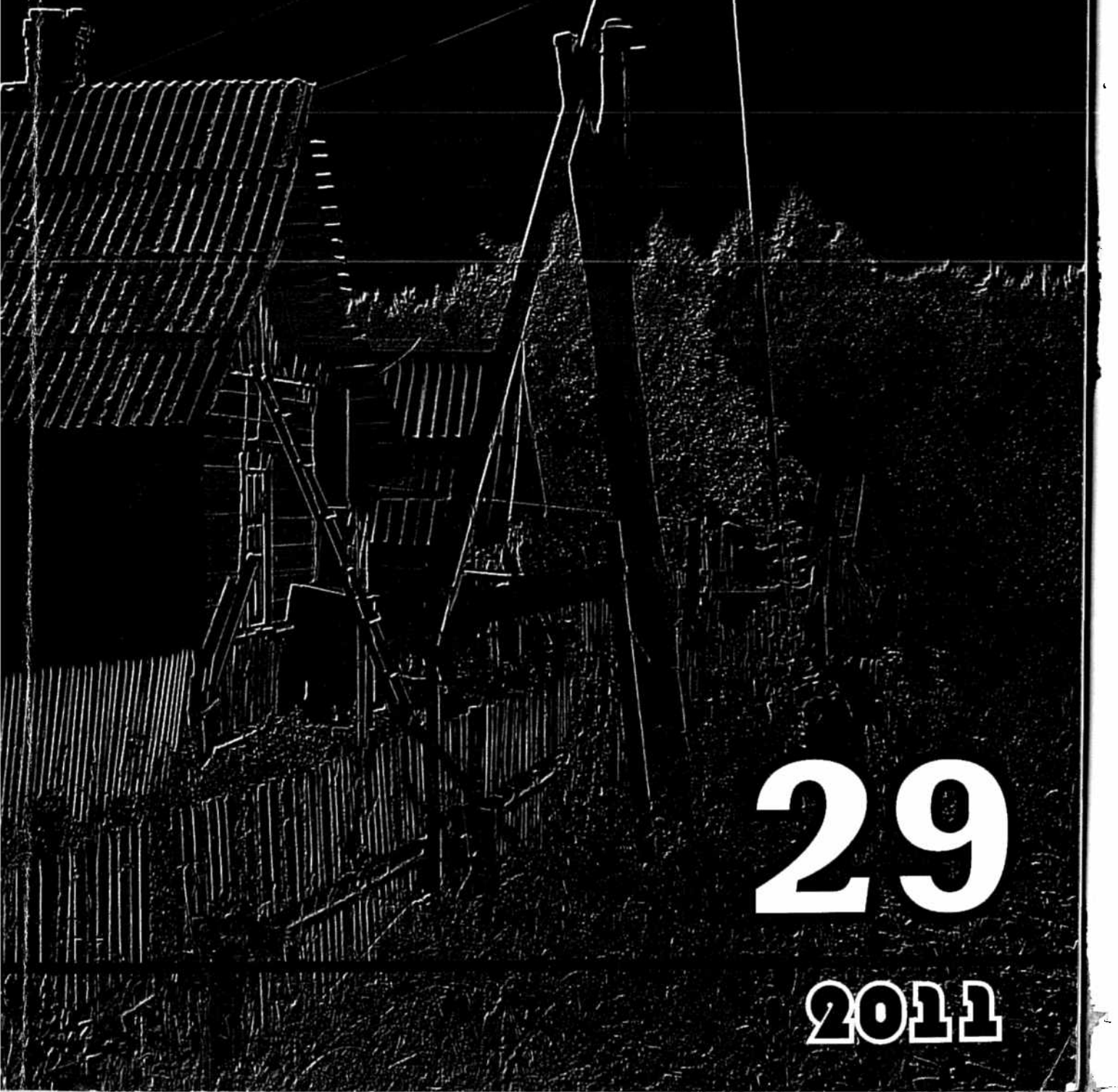

6788

מחשבות

משפחה

29

2011

Майя Крапина до войны была маленькой девочкой. Она 1935 года рождения, декабрьская, хотя в детдомовских документах, выданных уже после освобождения Белоруссии, записан год рождения — 1937. Но о многих событиях довоенного и военного времени она помнит и рассказывает так, как будто видела их глазами взрослого человека. Не случайно ее брат Иосиф, который старше ее на шесть лет, когда она посоветовала ему написать воспоминания о военных годах, сказал: «Читаю твои книги и думаю, что ты помнишь все лучше, чем я».

— До войны мы жили во 2-ом Северном переулке, у нас был большой собственный дом. В нашем районе жило много еврейских семей, впрочем, как и в других старых районах Минска. Нашими соседями были Рубинштейны. Мы жили не бедно. Папа Исаак Борухович Левин был извозчиком. У нас были две-три лошади. Свое подсобное хозяйство. Перед войной мы сделали к дедушкиному дому пристройку.

У дедушки Боруха Левина была большая семья. Он работал столяром-краснодеревщиком. Мастер исключительный. Делал красивую мебель. Были постоянные заказы. У деда было семеро детей. Все жили здесь же во 2-ом Северном переулке. И у моих родителей была большая семья — пятеро детей. Многолюдно было во дворе и шумно, но жили дружно.

Бабушка смотрела за хозяйством. Мой старший брат Иосиф — 1929 года рождения, сестра Валя — 1932 года рождения, и две младшие сестры Любочка и Сорочка: 1938 и 1941 годов рождения. Младшая — родилась перед самой войной.

У нас была большая овчарка Ава. Я часто с ней играла. Однажды я ее дразнила, и она укусила меня за руку. Еще у нас была коза, и мы пасли ее. Там же на луту и играли. Довоенные воспоминания светлые и счастливые. Даже если связаны со слезами. Однажды я играла и сунула в ноздрю растение — «бараночек». Не могла вынуть, и меня понесли в больницу. Я рыдала. А потом чихнула, и «бараночек» выскочил.

Дядя Миша — папин брат был очень набожным человеком, хорошо знал древнееврейский

язык. Он с дедушкой всегда проводил шаббесы — встречали субботу.

Мама с папой к субботе ходили на Сторожевский рынок, покупали рыбу, всякие вкусные вещи — мы их ждали. Мама вкусно готовила. Она смотрела за детьми, за хозяйством. Ее звали Сима Иоселевна. Мама до замужества жила в местечке Смиловичи. Ее девичья фамилия Фридлянд. Когда они с папой поженились, стали жить в Минске. Вся смиловичская родня, все до единого, погибли в годы войны в Смиловичском гетто.

Майя Крапина: Хочу, чтобы всей деревне было присвоено звание — ПРАВЕДНИКА

Что нас ждет впереди, никто не знал, но дома говорили очень много о том, будет война или нет. Правда, взрослые старались говорить так, чтобы мы, дети, этого не слышали. Но мы обо всем знали. Говорили они между собой на идише. Бабушка уверяла, что немцы евреев не тронут и нечего бояться, в Первую мировую они никого из евреев не тронули. Я встревала в разговор и говорила: «Придет немец, я ему молотком по голове дам». Мне не было еще и шести лет.

Что еще мне запомнилось из довоенного детства? Там, где станкоинструментальный техникум находится, была большая гора, или мне казалось тогда, что она была большая. Зимой мы ходили туда кататься на санках. Однажды пошли я, Валя и Иоська. Когда мы спускались вниз, там шла лошадь, и мы проехали как раз под лошадью. Папа, когда узнал, наказал нас и сказал, чтобы мы больше не ходили на эту горку кататься.

...Когда началась война, Минск стали бомбить в первые же дни. Наша семья не хотела уезжать из Минска, но однажды после бомбежки папа посадил нас на телегу и мы поехали. Бабушка вначале отказывалась ехать, но потом решила быть вместе с нами. Думали, что в Смиловичах будет спокойнее, немцы местечки бомбить не станут и людей там трогать не будут.

Бомбежки были сильные, все дороги забиты людьми и машинами, мы даже до Смиловичей не смогли доехать и решили вернуться обратно.

Жили как все, пока не было приказа евреям переселиться в гетто.

Наша улица не входила в территорию, отведенную под гетто. Мы обменялись жильем с одной русской женщиной, которая жила на улице Сухой. Она пошла в наш дом, а мы думали, что будем жить в ее доме. Но, когда увидели, сколько евреев идет в гетто, стало ясно, что весь дом нам занять не дадут.

Когда переселялись, шли вверх по Коллекторной улице. Несли большую железную кровать, постельное, подушки, одеяла. Все несли тюки, мама каждому на шею повесила по такому тюку. И одела на нас много вещей, в том числе зимних. Было очень жарко. Двадцатые числа июля. И очень хотелось пить. Из еды взяли с собой соль и мацу. После Песаха у нас оставалось много мацы.

Пришли в гетто, поселились всей большой семьей в одной комнате, кровать занимала ее половину. Несколько человек спало на кровати, остальные — на полу. У мамы грудной ребенок, ему было всего семь месяцев.

С едой очень тяжело. Когда в городе было безвластие и разворовывали магазины, брат что-то приносил домой, летом еще куда ни шло — крапива-лебеда есть, а зимой — то, что приносили с работы дедушка, брат.

Папу не взяли в армию. Он был с нами. Но мне кажется, он погиб во время первого погрома 7 ноября 1941 года. Точно сказать не могу.

Дед работал на мебельной фабрике. Пока в 1942 году не случилось несчастье, и его рука не попала в машину. Ему отрубило пальцы.

Брат работал в кочегарке.

Мама тоже ходила на работу. Брала с собой младшую дочку. Но однажды она увидела, как немцы вырывают у матерей грудных младенцев и бьют их головой об асфальт. Мама перестала выходить из дома.

Тем, кто ходил на работу, выдавали похлебку и эрзац-хлеб. Половину они оставляли нам и приносили с работы. На детей никакой еды не давали. Мы, дети, ходили, как тогда говорили, «под проволоку», на «русскую сторону» и попрошайничали. Что давали, то и было.

Когда деду отрубило пальцы, еду на всю семью приносил один брат.

Вспоминаю, как вырыли «малину», в которой мы потом прятались. «Малина» у нас была

в доме, с двумя выходами. Ночью ее рыли дедушка, папа и брат. Вытаскивали землю и выбрасывали ее далеко от дома. Если бы немцы увидели свежую землю, сразу поняли бы, что кто-то роет. И искали бы. У нас в комнате стоял шкаф, остался от прежних хозяев. В этом шкафу была убрана задняя стенка и через нее проникали в «малину», а потом закрывали эту стенку в шкафу. «Малина» — погреб был без окон, без света. Когда прятались, сидели в темноте. Второй выход из «малины» был сделан через русскую печку.

Внизу печки — заслонка, через нее выход.

В «малину» залезали все, кто был в доме. Там была жуткая теснота. Мама держала на руках маленькую дочку. Она кормила ее грудью и ставила сдоенное молоко возле себя, если девочка заплачет — дать ей молоко. Однажды, когда мы прятались в «малине», малышка заплакала, и кто-то ей что-то в рот положил. Мама не видела этого и сильно прижала девочку к груди. Мы сидели два дня в «малине», пока погром не закончился. Когда все вышли на свет, я услышала мамин крик. Этот крик до сих пор у меня в ушах стоит. Любочка задохнулась. Мы похоронили ее на еврейском кладбище. Рядом с воротами сделали маленький холмик. Я туда до сих пор прихожу.

— Сколько дней приходилось сидеть в «малине»? — спрашиваю я.

Майя Крапина. 1970 г.

— Были погромы однодневные, двухдневные, было, что и четыре дня сидели в «малине». Захочешь жить — вытерпишь. Выйдешь — тебя убьют. Мы были детьми, но хорошо понимали это.

— Полицаи, немцы не догадывались об этих «малинах»?

— Во время первого и второго погрома не догадывались. Потом, конечно, узнали про «малины». Заходили в дома и забрасывали гранатами, стреляли по всем углам разрывными пулями. Особенно это проявилось во время последнего погрома — 23 октября 1943 года. Много людей погибло в «малинах».

Вначале погромы шли по улицам. Например, первый погром был в районе хлебозавода, там всю улицу собрали, погрузили людей на машины и увезли в Тучинку — там уничтожили. Когда где-то начинался погром, все в гетто знали об этом. Ходили слухи, когда будет погром. Люди прятались в «малины». Мы жили на Сухой. Это был центр гетто. Там была инфекционная больница, кладбище. Вначале погромы нас обходили стороной.

— Где хоронили тех, кто погибал в гетто?

— В дни первых погромов — в Тучинку свозили. А потом все трупы сбрасывали в Яму. Я помню большие и глубокие рвы на еврейском кладбище. Туда тоже свозили трупы. В 1942 году в гетто появились машины-душегубки. Из них выбрасывали отравившихся газом, умерших людей. Но оставались после душегубок и полуживые. Были и те, кто от ужаса сходил в душегубке с ума.

Мы жили недалеко от кладбища. Прятались за сторожку и смотрели как из душегубок трупы и тех, кто еще был жив, сбрасывали в эти рвы. Живые кричали, рвали на себе волосы. Приходили немцы, полицаи и стреляли из автоматов, добивали тех, кто еще ды-

шал. Засыпали мертвецов хлоркой, прикапывали землей и оставляли так до следующей партии.

— Чем занимались ваши сверстники?

— Дети старались убежать из гетто с самого утра в «русский район». Кушать хотелось, и голод гнал «под проволоку». Родители нас предупреждали, не ходите туда, будьте дома, но мы все равно убегали. В «русском районе» кто-то помогал, а кто-то гнал нас. Говорили: «Вон отсюда, жиденок». Иногда давали картошку, какую-нибудь кашу. Мы приносили это домой. Мама ругалась, но кушать хотелось всем. Я лично никогда далеко от гетто не уходила. Брат уходил и иногда не возвращался по три-четыре дня, потом приносил домой картошку, очистки. Мама их отваривала, что-то готовила в печке. Однажды, когда она готовила еду, зашли немцы и полицаи. Сказали ей: «Одевайся. Пойдем». Рядом стояли я, Сарочка, Иосиф. Мама говорит: «Я возьму Майю с собой». Брат ей ответил: «Пускай Майя остается с нами. Она постарше. А что я буду делать с Сарочкой?» Мама одела Сарочку, и они ушли.

Потом по гетто разнесся слух, что на Юбилейной площади повесили евреев. Брат взял меня, и мы вдвоем побежали туда. Увидели: повешенных было человек десять. Мама висела на виселице самая первая. У нее были длинные-длинные черные волосы. Они развевались на ветру. Это был октябрь 1942 года. Стояли холодные дни. Мы с братом каждый день прибегали, думали, разрешат снять их. Не разрешали. А через три дня в Яму сбросили. На груди у повешенных были таблички с надписями, что их

Открытие памятника
в Поречье.
14 сентября 2000 г.

казнили за связь с партизанами. Я не знала ни о какой связи мамы с партизанами. Может, нам, детям, не обо всем говорили? А где Сарочка, мы не знаем и по сегодняшний день.

Иосиф уходил за город с Мишей Пекарем, а потом с Женей Матчисом, искали партизан. Заходили в деревни, спрашивали: «Есть здесь немцы?» Были случаи, когда специально отправляли в деревни, говорили, что там стоят партизаны, а там были немцы. Но были и те, кто показал дорогу на Поречье, где брат нашел партизан. Миша Пекарь и Матчис Женя остались в отряде, а брат сказал, что ему надо обратно в Минск. Потому что там оставалась я. Старшую сестру Валю забрали какие-то незнакомые русские люди, она долго у них скрывалась, а потом они определили ее в детский дом. Люди спасли ей жизнь, но, к сожалению, мы даже не знаем ни их имен, ни фамилии.

Когда брат ушел в партизаны, в нашей квартире жила красивая женщина Дора. Брат попросил ее посмотреть за мной. Он сказал, что выведет людей в партизаны и вернется. Дора ходила на работу, меня оставляла дома. В один из дней Дора не вернулась — погибла. Я осталась одна. Стала пухнуть с голоду, ходить уже не могла. Вши заедали. На голове у меня образовалась корка. Я, думала, умираю. И вдруг появился брат. Это было где-то в начале октября 1943 года. Он вернулся в Минск, чтобы забрать меня с собой. Когда он проходил через еврейское кладбище, увидел двух незнакомых людей. Брат спросил у них: «Гетто существует?» Он рассказал им, кто он и куда идет. Они выслушали и сказали: «Домой не ходи. Мы накормим твою сестру, присмотрим за ней. А тебя пока определим в больницу. Там будешь в большей безопасности. Как только соберется группа, уйдешь с сестрой в лес, к партизанам». Брата определили в палату на втором этаже. Эти люди приходили, подкармливали меня. Я до сих пор не знаю, кто они. Я бегала к больнице, разговаривала через окно с братом.

Окна дома, в котором я жила, выходили на центральные ворота гетто. Однажды я увидела возле ворот много немцев, полицаев, стояли машины-душегубки. Я побежала к брату и говорю ему: «Йоська, наверное, будет погром. Выходи». Он со второго этажа по водосточной трубе спустился, и мы стали искать, куда спрятаться. «Малины» в домах заполнены — не попасть. Мы

пошли в дальний конец кладбища. Я сама уже идти не могла, и брат меня тащил на плечах.

Никого рядом не было. Немцы и полицаи были направлены на последний погром. Мы пролезли под проволокой. За нами еще несколько мальчишек — ровесников брата, которые тоже убежали из гетто. Мы сразу сорвали с себя латы, которые были на одежде на спине и груди. Брат предложил всем идти на вокзал, там, среди людей легче будет затеряться. Пришли туда, в здании на виду стоять не будешь и по перрону особенно не погуляешь. Нас собралось человек десять. Куда деваться? Рядом с вокзалом были какие-то котлы, лежали трубы. Мы в них спрятались и сидели там дня три. Я была среди них одна девочка. Брат, он был самый старший, посылал ребят узнать, существует еще гетто или нет. Ребята возвращались и говорили: «Все погибли — никого нет». И тогда брат сказал: «Я вас выведу из Минска и покажу дорогу в партизанский отряд, если будете слушать меня и нести Майю по очереди на плечах. Она сама не дойдет».

Рано утром мы вышли из города. Брат построил по два человека, шли по шоссе через такое расстояние, чтобы видеть тех, кто впереди. Ехали немецкие мотоциклисты, колонны немецких машин, на нас никто не обращал внимания. С наступлением ночи мы уходили в лес. С рассветом — шли дальше. Прошли километров сто до Поречья. Нас пришло человек пятнадцать или двадцать. В Поречье к тому времени находились другие еврейские дети из Минска. Всего человек сорок. В районе деревни дислоцировался партизанский отряд Израиля Лапидуса.

Куда девать такую кучу детей в деревне? Для начала выбрали самую большую хату, постелили на полу солому и собрали всех детей в эту хату. Первую кормежку помню. В русской печи пекли картошку. Собрали ее в деревенскую корзину, потрясли и высыпали на большой-большой стол. Мы в гетто привыкли хватать, и там начали хватать еду. Кто больше схватит этой картошки.

Как нас кормили? В корыте в воде замешивали муку. Не было еды, все жили впроголодь. Потом расселили по хатам. В каждой хате было по одному ребенку. Меня взяла к себе Настя Хурс, а брата она взять не смогла. Он жил в другом конце деревни. Настя была с 1923 года рождения. Одна, муж в партизанах, детей у них еще не было. Она, когда меня увидела

первый раз, заплакала. Я была вся в коросте, у меня были раны на руках, на голове — вши. Она меня вымыла, причесала, уложила спать. Я спала, наверное, трое суток. Брат каждый день приходил, навещал меня. Настя сказала ему: «Я слышала, что в отряде есть доктор Подоляко, который лечит мазью. Принеси для сестры». Подоляко готовил мазь, в которой присутствовал свиной жир и тол — взрывчатое вещество. Брат ходил к партизанскому врачу и принес мазь. Меня лечили, втирали мазь в голову. Через какое-то время стали пропадать нарывы, но они оставались еще и после войны.

Когда Настя меня отчистила немного, я стала выходить на улицу, играть с деревенскими детьми. Они приносили какие-то тряпочки, мы шили куклы. Играть хотелось.

Неделю в деревне стояли партизаны, потом — неделю могли стоять немцы. Когда немцы приходили, мы убегали на болото. О приближении к деревне немцев нам сообщали партизаны. Крестьяне брали с собой корзины с пожитками и уходили за реку на болото. Туда же уходила и Настя со мной. Зимой, когда мы сидели в болоте по два-три дня, было страшно — замерзали. В нашей деревне не было полицаев. Но были в соседних, немецкий гарнизон стоял в Пуховичах. Никто не выдал немцам или полицаям, что в нашей деревне прячутся еврейские дети. Немцы боялись соваться в болото, даже когда у них были собаки, они не углублялись туда.

Однажды Настя успела со мной спрятаться на болоте, а брат остался в деревне. Всю деревенскую молодежь немцы отправили в Пуховичи, а из Пуховичей — в концлагерь. И брат попал в концлагерь.

— Не узнали, что он еврей? — спрашиваю я.

— Никто его не выдал. Были еще евреи из Минского гетто в этом концлагере, и их никто не выдал.

Иосиф сбежал из концлагеря и попал на хутор, там работал. Потом снова концлагерь — в Германии. Там уже его освободили наши войска. Он стал сыном полка. А потом его усыновил полковник Новиков, у него не было своих детей. Полковник дал Иосифу свою фамилию. После

войны Новиков сначала служил в Германии, и Иосиф там жил.

Когда закончилась война, отец Насти Хурс сказал дочке: «У Майи все погибли. Надо отдать ее в детский дом. Может, кто из родственников и найдется».

Майя Крапина у памятника погибшим узникам Минского гетто. 2009 г.

Они меня раза три отвозили в Тальковский детский дом, а я убегала оттуда. Я хотела жить у Насти. Пробывала в детском доме месяца два-три.

Мой дядя, папиной сестры муж, полковник Лев Новодворец оказался в это время в Минске. Когда освобождали город, его ранило, он лечился, и потом его назначили начальником «Водоканалтреста». У него был адъютант, и полковник послал его искать в Минской области свою семью. Вся семья Льва Новодворца была в Минском гетто и там погибла. До войны у него был больной парализованный сын. Во время погрома, когда его полицаи тащили за руки на расстрел, он кричал так, что мы в «малине» слышали его крик. Помочь ему никто ничем не мог. И жену, и еще троих детей Новодворца — всех расстреляли. Но полковник сказал адъютанту: «Ищи семью, ищи Левиных». И в детдоме адъютант нашел меня. Я стала жить у дяди.

Русские люди, которые прятали всю войну мою старшую сестру Валю, умерли от тифа. И она попала в Минский детский дом.

Бабушка моя, мамина мама, была в эвакуации. В 1945 году она вернулась в Минск, жила у дочери. Бабушка вскоре умерла, но перед смертью сказала, что сестры, я и Валя, должны жить вместе. У Льва Новодворца к этому времени появилась новая семья. А мы с Валею стали жить в 4-ом детском доме по улице Коллекторной. Валя там пробыла до 1950 года, а я — до 1953 года. Там мы выросли, там получили образование.

В послевоенном детском доме к детям относились хорошо. Но бывало разное. Я была сильная и грубая, мне это помогало выжить.

Когда мне говорили что-то неприятное, я умела крепко ответить. Однажды воспитательница сказала про меня нехорошие слова, я ей ответила, что она — фашистка.

Меня в наказание отправили в деревенский детский дом и разлучили с Валею. Мы написали письмо министру просвещения. И нас вдвоем определили в детский дом № 7 — это был специальный детский дом для детей погибших фронтовиков.

Немцы-военнопленные делали ремонт здания. Сначала мы к ним относились очень плохо. Дразнили, толкали. Потом они стали мастерить нам игрушки, и мы стали относиться к ним лучше. Играли в основном в домики, в семью: кто-то был папой, мамой, детьми. Играли в то, что нам не хватало в реальной жизни.

Полковника Новикова, который усыновил Иосифа, после Германии отправили служить в Минск. Иосиф стал искать кого-то из родных. Я считала, что он погиб, а он считал, что я погибла. Он нашел сначала тетю, и та сообщила, что мы с Валею живы. Он пришел к нам в детский дом.

Иосиф работал в типографии, на тракторном заводе.

Сейчас он живет в США.

Валя после окончания школы поступила учиться в педтехникум. А потом — стала учиться на бухгалтера и всю жизнь проработала по этой специальности. Сейчас тоже живет в США.

Я сначала окончила техникум физкультуры, потом — заочно институт физкультуры. Работала тренером в детской

спортивной школе, а когда в 1961 году мы с мужем выиграли чемпионат СССР по акробатике, ушла на эстраду и почти двадцать лет работала там.

Много занимаюсь общественной работой. Хочу, чтобы всем, кто помогал евреям в годы войны, было присвоено звание «Праведник народов мира».

В 2000 году в Поречье был открыт памятник мужественным людям, спасавшим в годы войны еврейских детей. Я хочу, чтобы всей деревне было присвоено звание — «Праведник народов Мира». Это уникальная деревня, и она заслуживает такое звание.

Записал Аркадий ШУЛЬМАН

Родился в Витебске в 1930 году. Отец родом из местечка Камень, мама — девичья фамилия Ганелис — из Бешенковичей.

Буду рад получить сведения об этих семьях.

Исаак СВЕРДЛОВ
isaaksverdlov@yahoo.com

Я родился в Соединенных Штатах. Мой отец Сэмюэль Дикэль (1923–1988). Его отец, Натан (Нахман) Дикэль и мать Сима Цирклин или Сима Дикэль Цирклин были из Дисны. Они эмигрировали в начале XX века. Часть семьи моей бабушки эмигрировала в Германию, затем в Израиль. Но часть нашей семьи оставалась в Дисне, и, вероятно, была убита фашистами. Интересуют любые сведения о семье Дикэлей — Цирклиных из Дисны.

Tomas DIKEL
tdikel@gmail.com